

Максим Осипов

Покуда

рассказ

*Что-то новое осело мне на душу
и отравило всю прежнюю жизнь.*

Л. Н. Толстой

1.

Ночью ГП, заведующему кафедрой древних языков и культур, во всех подробностях даже не приснился — явился, привиделся — ад. Не чей-нибудь, не дантовский, не толстовский (белый, красный, квадратный), не деревенская баня с пауками, но личный ад, его собственный — тот, куда ему в недалеком будущем предстоит попасть. Ад был устроен так просто, что создавал убедительное ощущение подлинности, абсолютной правды: голое сознание, заточённое в себе самом навсегда. Совершенная тишина и тьма — никакие звуки и ощущения не проникнут сюда. Можно взывать, кричать — про себя, нет ни легких, ни рта — никто тебя не услышит. И длиться это будет без конца, без смен дня и ночи, без перерыва на сон, без возможности отключить это самое сознание, вымолить пускай не избавление, но хотя бы короткую передышку. Вспоминай, сочиняй, мучь себя, тебе отсюда не выбраться. Жив ли ты или мертв? — думай, что хочешь, не имеет значения. Ничего вообще не имеет значения. Тебя нет, и ты есть — навсегда. Полное уничтожение, небытие кажется в таких обстоятельствах милостью, благом, недостижимым. Муку эту вытерпеть невозможно даже в течение нескольких минут, а суждено терпеть — вечность.

— Пожалуйста, только не это! — он мотал головой, вставал, пил воду, ложился, закрывал глаза — ад его никуда не девался, был тут как тут.

Он помнит: в юности приходилось переживать приступы страха — меня не будет! — испарина, учащенное сердцебиение. Сегодня было другое. Сегодня произошло как раз осознание того, что будет. Будущее никогда еще не представало перед ним в столь ясном и страшном виде.

Утром рассказал жене. Старался говорить как о незначительном происшествии, пустяке — приснится же! — не получилось. Слишком реален был образ, увиденный им.

Жена сказала:

— У китайцев, кажется, есть похожая пытка. Эти сволочи уже додумались до чего-то такого. — Она не любила китайцев.

Об авторе | Максим Осипов живет в Тарусе, постоянный автор «Знамени» с 2007 года. Последняя публикация — рассказ «Большие возможности» (№ 10, 2021). Страница автора в Интернете: maxim-osipov.ru.

Жена его, некогда красавица, была недоброй, но развитой и наблюдательной — из тех женщин, которые и сами себя считают умными и на самом деле довольно умны.

Законный вопрос — за что? Наказание должно быть как-то соразмерно вине. Он, между прочим, ни разу в жизни человека по лицу не ударил, жил не то чтобы праведно (кто без греха?), но правильно — в широком смысле, не только в отношении вредных привычек, не говоря о пороках. Талантов в землю не зарывал — их, возможно, и не было особенно выдающихся, но он свою жизнь выстроил, как красивое здание, по камешку: это ведь тоже талант — выстраивать жизнь. Руководит кафедрой, по сути создал ее, заботится о сотрудниках, о самых незначительных секретаршах, ни с ними, ни со студентками никогда не вступал в связь. Не про... — грубости он не любил, даже наедине с собой — не профукал, не разбазарил жизнь, как многие, с кем начинал. Так за что же, за что?

— За что ад или за что сон? — переспросила жена. — Ада не существует, а сон... За Сережу, наверное. Ладно, подумаешь — сон. Закажем на ужин утку по-португальски?

Странно, она вспомнила про Сережу. Притом что сама принесла тогда новость про ЕСПЧ. Он, ГП, всегда радовался научным успехам Сережи. На прощание хорошее письмо ему написал («Поверьте, нам будет Вас не хватать»). И, вероятно, спас от существенных неприятностей: каких бы этот Аякс еще дров наломал. Сережа все понял, бесшумно уехал в Эстонию. Тарту, Пярну, провинция у моря, нет лучше места пересидеть беспокойные времена. Так что Сережа тут ни при чем.

Наполовину видение, наполовину сон — то же, что накануне, повторилось и в следующую ночь, и потом опять и опять. И даже в те дни и месяцы, когда ад ему не является, он ощущает его как реальность, которая уже не отпустит, которая навсегда.

2.

Нам, работающим под началом ГП, больно смотреть на то, как разрушается кафедра — другой такой нет ни в Москве, ни, насколько мы знаем, где бы то ни было, — как из сверхценности (слово самого ГП) она превращается в одно из подразделений высшей школы, системы высшего и последипломного образования, вполне заурядное. Внешне в последние годы мало что поменялось: сократили пару-тройку сотрудников (из более чем восьмидесяти), отчислили нескольких студентов — не худших, не лучших, но самых шустрых, и что-то сломалось, и, видимо, необратимо, хотя сразу и не скажешь, что.

Сам же ГП и теперь, в свои семьдесят пять, производит изумительное впечатление. Он поседел и слегка располнел, но голос, как прежде, красивый, широчайшая эрудиция, без нажима, без намерения подавить — разве что удивить, а на известных, широко растиражированных фотографиях полувековой давности с поэтом-лауреатом и юной женой-красавицей — не оторвать глаз: прямо Жан-Луи Трентиньян («Конформист», «Мужчина и женщина») — огромного мужского обаяния артист. Собственно, от поэта-лауреата он и усвоил эту манеру держаться: как бы и с нами и не совсем — в ином, недоступном для нас измерении, чуть сбоку, где-то вверху. Взглянуть рассеянно на портрет члена Политбюро: «Кто это, подскажите, похожий на Уильяма Блейка?» — искусству задавать подобные вопросы он мечтал научиться с юности и научился. Со временем, правда, умение это поистрепалось и он начал вставлять в свою речь старомодные обороты, стал больше соответствовать классическим представлениям об ученом-гуманитарии. Настоящей удали (как сейчас говорят, крутизны) в отличие,

например, от поэта-лауреата, в ГП не было, и он знал, что ей научиться нельзя, — не беда. Зато всегда помогал окружающим, многим из нас, в делах повседневных, практических: найти подработку, хорошего стоматолога и т. п., и вполне простодушно — люди такое чувствуют. Никакой пошлости, никаких вам «Кафедра — большая семья»: семья семьей, а кафедра кафедрой. Кстати сказать, у нас работают люди, сделавшие в гуманитарной науке много больше ГП: тот же Сережа, специалист по античной трагедии, преподавал у нас до недавних пор древнегреческий, чем не мировая величина? О себе ГП говорит, что он администратор *par excellence*, не стал писать докторскую (опять же, к чести его, при его-то возможностях), остался простым кандидатом наук. Предмет интересов ГП — поздневизантийские литературные памятники.

Сережа смеялся:

— Византийцу только и заведовать кафедрой.

Околонаучные их перепалки носили характер скорее шуточный. Сережа — стареющий мальчик, полуседой, младше ГП на семнадцать лет — представлял античность, Древнюю Грецию, ГП — Византию. ГП защищался, Сережа на него нападал:

— Живая культура, которая себя создает на живом языке, изобретает в каждый момент что-то новое, против вашей классификации, систематизации, мертвечины вместо свежих идей. Только и можете — переписывать, охранять, консервировать.

ГП улыбается:

— Кто бы узнал про какую-то Грецию, когда бы не византийцы, не мы.

Товарищи, старший и младший, два русских интеллигента, оба филологи-классики — что им делить? Ох, то время теперь вспоминается как золотые деньки нашей богоспасаемой кафедры.

Вот чего ГП не любил, так это когда спорили о политике. Низким, глубоким голосом произносил: «Надлежит быть и разномыслиям между вами» или что-нибудь в том же роде (он и Писание неплохо знал), отворачивался, уходил.

Однажды он изложил свои взгляды.

— Я, разумеется, ничего не боюсь. В мои леты, — так и сказал! — бояться мне нечего. А что до политики... События случаются, дамы и господа, а если все делается по-вашему, то ведь, пожалуй, и история человечества прекратится, не правда ли? Что-то сбили, кого-то там подтравили, арестовали... Нехорошо? Возможно. Даже наверное — нехорошо. Но было ли в вашем понимании когда-нибудь хорошо? Может быть, при императоре Юстиниане? При Петре Третьем, при Николае Втором?

Нет, нам не кажется, что при Николае Втором было хорошо.

ГП продолжал:

— Перемены нужны, даже необходимы. Однако на этот раз давайте-ка обойдемся без революций. Для разнообразия, так сказать, *for a change*. — Повернулся к Сереже. — Вы-то куда за комсомолом? Сами ведь говорили: в новейшей истории мы проигравшие. Не за то отец сына бил, что играл... — Тут же поправился: — Решительным образом не хочу нас считать проигравшими. Смотрите, какую мы создали кафедру. А вмешиваться в ход истории в нашем возрасте неприлично, нецеломудренно, пусть это делают молодые. По некоторым вопросам можно позволить себе и роскошь совсем не иметь мнения.

Еще сказал: улучшение нравов — то единственное, о чем нам следует печется, на что уповать. Успокоил — все образуется. И стих прочел про «качнется вправо, качнувшись влево». Ну, стих-то мы знаем и без ГП.

3.

— Молодые люди, сегодня будем учить латынь. А греческим вы займетесь, когда ваш препод откинется.

Как следовало из докладной в ректорат, студенты встретили эти слова молодого латиниста N. (он произнес их, едва войдя в аудиторию) стоячей овацией, одобрительным гулом и топотом ног.

Не одна только древняя история занимала мысли Сережи, но и вполне современная, и взгляды свои на нее он изложил одной нежелательной телекомпанией — энергично, с цитатами из свободолобивой античной поэзии — на ходу, в центре города, направляясь на протестное шествие, марш. Молодые люди вокруг него выкрикивали обидные для властей лозунги, на заднем плане «винтили» участников марша — рассовывали их по автобусам, на ветру развевались седые Сережины волосы и борода: махровый агент оппозиции, конченный. В Интернете легко отыскать трансляцию.

— Самоубийство Аякса, — прокомментировала услышанное жена ГП.

Посмотрел и ГП, поморщился:

— Какая безвкусица. Это что у него, недержание речи?

— Недержание мочи, — пошутила жена.

Он эту шутку ее потом повторял.

С того же сборища Сережу уволокли в полицию. Ночь на цементном полу в отделении, суд — он весело и не раз нам про это рассказывал: и как не пускали пи-пи, и как менты переходили с ним то на «вы», то на «ты», в зависимости от того, в сторону штрафа или ареста склонялась чаша весов правосудия. Забавно: возле здания суда его выпустили на улицу — подышать, покурить, с телефоном и паспортом на руках. Сережа успел позвонить адвокату, друзьям. Те посоветовали уйти: заочно выпишут штраф, а так — могут и посадить. Но Сережа вернулся: неловко стало перед ребятами-полицейскими. Впрочем, отделался штрафом и сутками в заключении. Сережа рассказывал, жестикулируя, хохоча, вставляя в речь неожиданные обороты, а мы подумали: как же быстро вошла в нашу жизнь эта лексика — свинтили, закрыли, откинулся, — и не только лексика, словно так было всегда.

Прошло еще какое-то время, и ГП отправился в ректорат: разузнать о студентах, назначенных к отчислению (наших в тот раз задержали больше обычного, больше ста человек, особенно математиков, многих не удалось отстоять), и про Сережу поговорил. Откуда мы знаем? Вот, знаем. Есть в конце концов секретарши — и у ректора, и у ГП.

— Что будем делать? — спросил ГП.

Возможно, не прямо спросил, а так — поднятием бровей.

— Это зависит, — ответил ректор.

Английского ректор наш толком не знает, но любит сказать: «Это так не работает», пожелать хорошего дня.

— Берегите себя, — сказал он ГП на прощание.

Калька с английского, эта короткая реплика не могла стать причиной Сережиного увольнения. Но тут — еще одна новость в сети про него, опять жена принесла, она следит за событиями:

— А наш-то Мандела-сиделец, серьезные деньги у государства отвоевал через ЕСПЧ. Смотри, со всеми регалиями: профессор кафедры древних языков и культур...

Тут уж ГП не выдержал, вызвал его к себе, чтоб понять, чем это угрожает — не ГП самому (в его леты), а кафедре, но Сережа только рукой махнул:

— Это еще за Крым. Задержание обжаловал.

И улыбнулся, довольно нагло, надо сказать. Объяснил: ЕСПЧ работает медленно, дикая волокита, дикое количество дел, так что за последнюю отсидку свою в ОВД ему еще предстоит денег содрать с государства родного. Даже вроде бы подмигнул, уходя.

Кафедра, сохранить кафедру, это высшая ценность, сверхценность. И, повинувшись этой необходимости, ГП тем же вечером принялся составлять Сереже послание. Начал он так: «Пишу к Вам по грустному поводу...». В сущности, изобрел новый жанр: увольнение в форме дружеского письма.

Личная переписка подлежит огласке лишь с разрешения обеих сторон — адресата и автора, поэтому о содержании письма мы узнали не сразу. Но в какой-то момент Сережа не выдержал — он уже не работал у нас, вообще не работал, проедал, наверное, деньги от ЕСПЧ, — переслал письмо двум или трем товарищам, те показали его еще нескольким, и оно пошло по рукам. И вот в курилке (так ее называют по старой памяти — у нас уже и не курит никто) группками по несколько человек мы зачитываем вслух полюбившиеся места.

— «Зная меня довольно времени, — начинает один кафедральный шутник, — Вы не заподозрите во мне согласия с происходящим».

Другой подхватывает:

— «Благословенные дни, когда можно было сочетать преподавание в высшей школе с критикой власти, увы, миновали. Воротятся ли они, вопрос отдельный и печальный...»

— Волны плеснувшей в берег дальный! — вступает третий, это молодой латинист N. — Совсем у шефа кукуха съехала?

Общий смех.

— «На чьей стороне больше правды — на Вашей или моей?» — вкрадчиво спрашивает второй. И отвечает, понизив голос: — «Сие мне неведомо. Знаю лишь, что никто не обладает правдой во всей ее полноте».

— Бла-а-родно! — кричит первый. — А мне вот это доставило, зацените: «Все вероятные доводы против любых моих соображений мне превосходно известны и душевно близки, но, главное, каждый волен — покуда волен — сделать свой выбор». — И потом вдруг, ба-бах: «Поверьте, Сережа, нам будет Вас не хватать».

— Покуда! — повторяет второй. — Господи, как хорошо! Каждый волен, покуда он не уволен!

В этом духе письмо обсудила вся кафедра. Объективности ради нужно сказать, что в отношении Сережиных подвигов мнения коллег разделились: чужая лихость одних веселит, будоражит, других — раздражает, злит.

Сережа уехал в Эстонию, как-то устроился. Вроде, неплохо, судя по слухам и публикациям. С нами дело иметь перестал. А ГП, говорит, видит плохие сны.

4.

Работы в Москве он себе не нашел, преподает теперь греческий язык эстонцам, пишет статьи об античной трагедии. Связи с миром поддерживает главным образом через Интернет, и число этих связей снижается. Некоторые соотечественники осудили Сережин отъезд: где родился, там пригодился, надо нести свой крест. Эмиграция и отношение к ней — тоже вопрос отдельный и печальный, по выражению ГП.

О днях недели — *esmaspäev, teisipäev, kolmapäev* (понедельник, вторник, среда) — он узнаёт из надписей на таблетнице, купленной в местной аптеке: Сережа уже немолод и принимает таблетки. Эстонский язык — не греческий, не английский, ассоциаций не вызывает, но он и с ним разобрался чуть-чуть. Сами же дни похожи один на другой.

Жизнь его адом не назовешь, раем тоже. Христианином Сережа себя не считает, однако в детстве от няньки он усвоил молитву, которую механически повторял в трудные минуты — перед экзаменами или когда заболели близкие — и сейчас время от времени произносит ее. Доходя до слов «Якоже и мы оставляем должником нашим...», Сережа останавливается и вспоминает ГП. Нет, он его не простил, даже не попытался, да никто, собственно, и не просил прощения. Теперь-то он понимает, что повел себя в истории со своим увольнением только по внешности по-христиански, принял потерю любимой работы, а затем и родной страны только по видимости смиренно, думая, что одержит тем самым победу — и над ГП, и над собственным гневом, который в нем поднялся, когда он читал «Покуду», как он называет письмо ГП. Но никакой победы Сережа не одержал, потому что на деле, как ему ясно теперь, поступил лишь как цивилизованный, вежливый человек, а что такое перед лицом истории, вечности цивилизованный человек? — ничто, тьфу. Нужно было скандалить, судиться или на виду у кафедральных женщин смазать ГП по физиономии — вот так, слегка, тыльной стороной руки (все же старик), хотя бы спросить: «Трентиньян, как же ты так обосрался?». Трезвыми бессонными ночами Сережа прокручивает в голове варианты, но — поздно он спохватился: время пощечин, эффектных фраз ушло.

Ночных кошмаров у него нет, зато каждое утро он открывает компьютер — до умывания и чистки зубов, до утреннего приема таблеток. Что он надеется в нем прочесть, какое сногшибательное известие? Совершенно, впрочем, понятно, что это за известие и даже чем оно будет обставлено. Какая-нибудь несдержанная девица напишет заглавными буквами: ЙЕСС, поставит три восклицательных знака, а по русским каналам сыграют 2-е скерцо Шопена. И — официальное сообщение: «Ушел из жизни...» — не умер и не скончался, такие не умирают и не кончаются, а уходят из жизни, и в Интернете наперебой примутся обсуждать, кого сделают председателем похоронной комиссии. А там, глядишь, получится и вернуться, счесть эмиграцию затянувшимся сном, хоть место его на кафедре давно уже занято. Верится слабо, а вдруг? Проигравшему, каким Сережа считает себя, — в историческом смысле, вместе со всеми людьми своего поколения и круга, — надо верить во что-то, чтобы с ума не сойти. Но пока что вот так: серое небо, холодное море, холодный балтийский пейзаж. И, как пишут в титрах, совпадения с подлинными событиями случайны, но неизбежны.